

А. А. ЧИКУНОВ

ИСТОРИЯ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В ОСВЕЩЕНИИ П. П. ПЕКАРСКОГО

Цель данного исследования – с максимальной степенью полноты охарактеризовать один из основополагающих трудов отечественного историка науки П. П. Пекарского по истории Петербургской академии наук. Попытки создать историю ведущего отечественного научного учреждения предпринимались до 1917 г. неоднократно, но лишь Пекарский задумал всеобъемлющий капитальный труд на эту тему и начал практическую работу по его осуществлению, превращенную, к глубокому сожалению, скорострительной кончиной ученого.

В статье подробно рассматривается структура «Истории Академии» Пекарского, анализируется использованный автором свод источников, выявляются цели и задачи труда. Помимо этого на материале начального периода формирования отечественной академической науки раскрывается видение Пекарским роли реформ Петра I в общественно-культурной жизни страны.

Ключевые слова: Петербургская академия наук, П. П. Пекарский, Петр I, М. В. Ломоносов, И. Д. Шумахер, биографии, историография, иностранцы, ученые.

С первых лет существования Академии наук в Петербурге многие ее члены отдавали себе отчет в важности написания истории этого учреждения и сохранения соответствующих документальных свидетельств. История академии должна была служить целям просвещения российского общества, распространения научных знаний в образованных слоях населения, а также быть средством пропаганды собственной деятельности академии и свидетельством полезности последней для государства.

Первые попытки написания истории Академии наук и ее учреждений были предприняты практически сразу же после ее основания. В начале это были лишь отдельные статьи (Г. Б. Бюльфингер – 1725 г., Я. Герман – 1726 г., Х. Гольдбах – 1735 г.), в которых обосновывалась необходимость написания Академией наук своей истории и формулировалась программа ее изучения¹.

Первым очерком истории Академии наук можно считать увидевшее свет в 1741 г. произведение И. Д. Шумахера под названием «Палаты Санктпетербургской Императорской Академии Наук Библиотеки и Кунсткамеры которых представлены планы, фасады и профили, приписанные Ея Императорскому Высочеству государыне и великой княгине и правительнице всея России».

¹ См.: История Академии наук СССР // Гл. ред. К. В. Островитянов. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 2–3; Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия Наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1977. Т. 1. С. 7–8.

Данное издание было прекрасно оформлено и иллюстрировано, но представляло собой, скорее, не исследовательскую работу в подлинном смысле этого слова, а систематизированное лаконичное описание академии и ее учреждений.

Основополагающим трудом по истории отечественной Академии наук стала работа академика Г. Ф. Миллера «История Императорской академии наук в Санкт-Петербурге», которую он писал по-немецки с 1775 г. и до конца жизни (1783). Данное исследование, начало работы над которым было приурочено к 50-летию со дня основания академии, оказало решающее влияние на работу всех последующих историков академии. Миллер впервые ввел в научный оборот и интерпретировал важнейшие материалы по истории академии. Его заслугой можно считать источниковедческое введение, предвещающее его «Историю», где в числе прочего приводится подробная характеристика архива академической Конференции и протоколов академических заседаний, являющихся важнейшими источниками по истории научной деятельности академии. По мнению современного исследователя жизни и творчества Миллера С. С. Илизарова, его сочинение об академии положило начало определенной традиции по ее изучению.

Следующий всплеск интереса к истории отечественной Академии наук пришелся на середину XIX в. В 1853 г. была опубликована программная статья академика А. А. Куника «Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии?». Автор статьи наряду с кратким обзором усилий предшествующих исследователей истории академии охарактеризовал главные трудности, неизбежно встающие перед историками науки, работающими в этом направлении, и наметил пути их преодоления. Куник отметил значительность источниковой базы по истории Академии наук, первоначальный материал в которой рассеян во многих труднодоступных фондах и нуждается в критическом пересмотре и обработке, что потребует от исследователя значительных сил и времени². Куник также полагал, что написание истории академии одним лицом приведет к неизбежной односторонности в изложении, поскольку только

специалисты, зная состояние своей специальной науки в XVIII веке, могли бы оценить заслуги тогдашних академиков этой отрасли в историческом ходе ее развития³.

Наконец, Куник сформулировал главную задачу для будущего историографа академии – «верно понять и отобразить ее историю как составную часть истории русского и государственного быта в XVIII столетии»⁴.

Таким образом, ко времени начала работы П. П. Пекарского над «Историей Императорской Академии наук в Петербурге» в этой области сформировалась определенная исследовательская традиция, в русле которой создавался и его собственный труд.

² Куник А. А. Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии? // Ученые записки Императорской Академии наук по первому и третьему отделениям. 1853. Т. 2. Вып. 1. С. 141.

³ Там же. С. 142.

⁴ Там же. С. 143.

Академик Петр Петрович Пекарский родился 19 мая 1827 г.⁵ в Оренбургском крае недалеко от Уфы в семье помещика. После окончания в 1847 г. юридического факультета Казанского университета он был определен на службу по ведомству государственных имуществ. С конца 1851 г. Пекарский – столичный житель; в Санкт-Петербурге он пристрастился к историческому чтению, проводя все свободное время в Публичной библиотеке и очень скоро осознал свою склонность к профессиональному изучению научной и культурной истории России эпохи Петра Великого.

Примерно в середине 50-х гг. XIX в. статьи и работы Пекарского по истории русской словесности, науки и образования начали публиковаться в специализированных и популярных периодических изданиях. Главной из них была фундаментальная двухтомная «Наука и литература в России при Петре Великом» (1862), получившая положительную оценку специалистов. Ученый обратил внимание на то, что в петровское время книгопечатание получило большое развитие, однако очень многие произведения того времени по прошествии 150 лет в силу ряда причин (малые первоначальные тиражи, практика уничтожения залежалого товара книготорговыми организациями) стали труднодоступны для исследователей, особенно провинциальных. В 1855 г. Пекарским был составлен план будущей работы, который он опубликовал в «Известиях» Второго отделения Академии наук⁶. После прохождения цензурной проверки, длившейся почти четыре года, исследование Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом» увидело свет. Первый том труда под названием «Введение в историю просвещения в России в XVIII веке» содержал в себе обширный фактический материал по развитию различных отраслей науки, искусства и литературы в первой четверти XVIII в. В нем в числе прочего рассматривались трудности, с которыми сталкивалась европейская модель просвещения в России, испытывавшая противодействие со стороны как схоластически ориентированного высшего церковного руководства, так и большей части светской элиты, не имевшей ясного понимания важности науки для развития страны⁷. Одновременно Пекарский методично собирал фактические сведения о первых членах Академии наук, работавших в Петербурге во второй четверти XVIII столетия, при публикации которых затронул проблему взаимодействия иностранного и отечественного компонентов в системе российской науки и просвещения⁸.

⁵ Здесь и далее все даты приведены по старому стилю.

⁶ *Пекарский П. П.* План и образцы библиографического обозрения русских книг петровского времени // Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности. 1855. Т. 4. Стб. 259–272.

⁷ *Пекарский П. П.* Новые материалы для биографии Ломоносова // Современник. 1860. Т. 84 № 12. Отд. 1. С. 433–448; *Пекарский П. П.* Академия Российская // Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. СПб., 1861. Т. 1. С. 286–290.

⁸ *Пекарский П. П.* Материалы для истории образования в России. Первые профессора Академии наук и первые ученики их // Атеней. 1858. № 14. С. 376–392; *Пекарский.* Академия Российской... С. 286–290; *Пекарский П. П.* Переписка Лейбница с разными лицами о славянских наречиях и древностях. По поводу письма Лейбница к Петру Великому, 22 января 1715 г. // Записки Академии наук. 1864. Т. 4. С. 1–19.

Официальной и документально подтвержденной датой начала работы Пекарского над историей Петербургской академии наук можно считать 29 декабря 1863 г. В этот день на торжественном годичном заседании академии он прочитал речь, содержащую программу изучения деятельности этого учреждения в России в первой половине XVIII столетия⁹. Сразу после этого общее собрание академии постановило поручить Пекарскому написание ее истории¹⁰.

Это решение означало для Пекарского многотрудную работу, к которой он, однако, отнесся с большим энтузиазмом. Во-первых, как уже упоминалось, история академических учреждений была ему интересна. После своего переезда в Санкт-Петербург и начала занятий в Публичной библиотеке он «ушел в эпоху Петра Великого с руками, ногами и головой»¹¹, но несколько позднее сосредоточился лишь на культурной истории эпохи, выбрав для себя сферу книгопечатания, литературы, науки и образования. Опубликовав ряд работ по этой тематике, получивших признание в научном сообществе, Пекарский осознал тесную связь истории академии с историей просвещения. Помимо этого на решительное желание исследователя взяться за написание истории академии повлиял характер потенциальной источниковой базы. К работе над темой предполагалось привлечь труднодоступные и в основном не разобранные материалы из академического архива. Неспециалисту в области архивного дела работать с ними было бы чрезвычайно затруднительно. Напротив, Пекарский, перешедший в 1862 г. из Министерства финансов на службу в Главный архив Министерства иностранных дел, оказался здесь совершенно в своей стихии. Как видно из его воспоминаний, он, будучи старшим архивариусом, ежедневно имел дело с неразобранными архивными фондами, в которых всеми силами стремился навести порядок, так что работа с подобными материалами была ему привычна и доставляла удовольствие¹². Еще одним стимулом для Пекарского стало отсутствие монографического исследования, содержащего полную историю Петербургской академии наук, несмотря на почти сто сорок лет, прошедших со времени ее возникновения.

Начиная историю отечественной Академии наук с момента ее основания автор намеревался довести исследование до 70-х гг. XIX в. Однако преждевременная смерть в 1872 г. помешала Пекарскому выполнить свой замысел – он скоропостижно скончался, едва успев закончить второй том своего труда, который напечатанным уже не увидел. История академии доведена в нем до 1765 г. – года смерти М. В. Ломоносова.

Начало фактической деятельности Петербургской академии наук относится к 1725 г., т. е. ко времени, когда Петра I уже не было в живых. Но

⁹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 2. Оп. 17. Д. 36. Л. 15.

¹⁰ Отчеты Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности (ОРЯС) за 1852–1865 гг. СПб., 1866. С. 390.

¹¹ Шелгунов Н. В. Воспоминания. М.; Пг., 1923. С. 63.

¹² Пекарский П. П. Воспоминания П. П. Пекарского об его службе в Государственном архиве. Сообщил И. А. Бычков // *Летопись занятий постоянной Историко-археологической комиссии за 1926 год*. М.; Л., 1927. Вып. 1. С. 267–274; Пекарский П. П. Учено-литературная Москва в конце 1866 и в начале 1867 гг. по записям П. П. Пекарского // *Археологический ежегодник*. М., 1997. С. 536–548.

поскольку он был по существу подлинным основателем этого научного учреждения, Пекарский во введении к первому тому рассмотрел все мероприятия Петра I по распространению в России науки и образования начиная с конца XVII в.

Целью исследователя при работе над «Историей Академии наук в Петербурге» было создание максимально полной картины функционирования этого заведения с момента его основания до современности, которой он рассчитывал достичь «собранием изложения возможно большего количества фактов»¹³. Работая над этим произведением, академик остался верен основному правилу своей научно-исторической деятельности – говоря его словами «искать одних лишь фактов и в фактах достоверности»¹⁴. Исследование было рассчитано на ту часть общества, которую «не могут не занимать судьбы учреждения, имеющего столь близкое отношение к его умственным интересам»¹⁵.

Основную массу фактического материала для исследования об академии Пекарский почерпнул из принадлежавших ей архивов академических конференций и канцелярии. Хранившиеся там материалы по истории академии, главным образом рукописные, были столь многочисленными, разнообразными и мало использованными, что, по оценке Пекарского, «потребовалось несколько лет для узнания и разработки их вполне для предположенной мною цели»¹⁶.

Первый том труда об академии состоит из введения и основной части. В первой части введения ученый привел подробный перечень разобранных им архивных источников, сделав их критический анализ. Исследователь, продолжая традицию, заложенную Куником, считал, что

новая русская история будет оставаться только сборником разных более или менее любопытных рассказов до тех пор, пока не обратят внимания на критику источников¹⁷.

Для каждого использованного источника Пекарский сообщал его авторство, язык, трудности, характерные для работы с ним, время его создания. Ученый также давал краткую характеристику автору источника, справедливо полагая, что от этого зависит достоверность содержащихся в нем сведений. Далее он приводил общее описание источника и степень его использования в своей работе. В заключение каждого мини-обзора исследователь оценивал надежность источника, для чего сравнивал его с другими источниками, учитывая при этом характер самого материала (официальный документ, научный труд, мемуарная литература и т. п.). Такой основательный подход к составлению источниковедческой части труда не оставляет читателю сомнений в доб-

¹³ Пекарский П. П. История Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. II.

¹⁴ Отчеты императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1866–1891 годы. СПб., 1903. С. 167.

¹⁵ Там же. С. 120.

¹⁶ Пекарский П. П. Отчет о занятиях в 1863–1864 годах по составлению Истории Академии наук. СПб., 1865. С. 1.

¹⁷ Там же. С. 15.

росовестности автора и полноте использованного им материала. Подробная характеристика каждого источника облегчала последующим исследователям работу с труднодоступными и сложными в прочтении материалами, поскольку, как известно, «попасть в государственные архивы без высшего, а то и монаршего соизволения было в XVIII и XIX вв. попросту невозможно»¹⁸.

Пекарским также привлекались материалы из архива академической канцелярии. Она функционировала с первых лет существования академии до октября 1766 г. Призванная помогать академикам в их научной деятельности и повседневных делах, со временем канцелярия превратилась в самовластное административное учреждение, чья бюрократическая деятельность вызывала серьезное недовольство научной корпорации и часто была причиной различных конфликтов.

При написании «Истории Академии» Пекарский использовал также и опубликованные источники. Это упомянутые выше работы по истории академии Х. Гольдбаха, И. Д. Шумахера, Г.-А. Гея, И. Бакмейстера. К работе исследователь привлек сборники опубликованных документов, составленные академиком В. И. Ламанским, П. С. Билярским, А. А. Куником. Из фундаментальных трудов по истории России первой половины XVIII в., использованных Пекарским, можно отметить «Историю Петра Великого» Н. Г. Устрялова (1858–1863), «Историю московской славяно-греко-латинской академии» С. Смирнова (1855), «Чтения по истории русской словесности» С. П. Шевырева (Ч. 1. 1845; Ч. 2. 1846; Ч. 3. 1858; Ч. 4. 1860). В работе над историей академии ученый использовал также материалы из выходившей с 1728 г. газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Это периодическое издание, выпускавшееся при Академии наук «лицами к ней принадлежавшими, являлось по сути академическим печатным органом»¹⁹. Газета регулярно помещала на своих страницах публикации научных статей и выдержек из работ, а также хронику научной и культурной жизни столицы.

Вторая часть введения под названием «Обзор предположений по части распространения просвещения и знаний в России при Петре Великом» представляет собой очерк о мероприятиях Петра I, предшествовавших основанию Академии наук, начиная с конца XVII в. и до начала 1720-х гг., составленную в хронологическом порядке. Также здесь можно обнаружить сжатый обзор состояния европейской науки во второй половине XVII в. Во вводной части ученый указал на единственную и сугубо утилитарную причину мероприятий Петра I по распространению просвещения и науки в России – потребность «с его помощью [...] достать более знающих людей чем те, которые имелись под руками»²⁰. Без этих знающих людей невозможно было бы осуществление широкомасштабных преобразований, задуманных царем-реформатором. Пекарский негативно оценил такое подчинение просвещения государственным интересам. Он писал, что

¹⁸ *Илизаров С. С.* Еще раз об академике Г. Ф. Миллере, его наследии, друзьях и недругах // ВИЕТ. 2008. № 2. С. 23.

¹⁹ *Пекарский П. П.* О Санкт-Петербургских ведомостях в старину // СПФ АРАН. Разряд V. Оп. П-10. Д. 1. Л. 7.

²⁰ *Пекарский.* История Академии наук в Петербурге... С. XXVII.

это должно было неблагоприятно влиять на распространение знаний в России, так как при таком направлении капризный произвол, поверхностность, отсюда легкомыслие и неуважение к науке, равнодушие к ее успехам, если только она не давала понятного для многих применения на деле – все это могло быть явлениями, прямо вытекающими из такого взгляда на просвещение²¹.

Рассмотрение событий, произошедших с отечественной Академией наук, подтвердили правоту вывода исследователя.

Для своей «Истории Академии» Пекарский избрал биографический метод изложения материала. Он построил свое исследование как и Миллер в его «Истории Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге»: сначала общий вводный очерк, где дается обзорное распространение просвещения в России при Петре I, рассказывается об учреждении Академии наук и о первом периоде ее существования, ее устройстве, положении в тогдашнем обществе и в государственной структуре. Затем у Пекарского, как и у Миллера, следует описание жизни и деятельности Л. Л. Блюментроста и И. Д. Шумахера, а затем биографические очерки о членах академии в порядке их поступления на службу. Основу второго и последнего тома «Истории Академии», который успел создать Пекарский, составляют биографии М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского; том открывает введение, которое описывает состояние академии в царствование Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II (до 1765 г.) и особенности управления ею при этих монархах.

Биографии первых президентов и членов академии, поступивших в нее в 1725–1742 гг., представлены у Пекарского в виде самостоятельных статей. В начале каждой из них автор указал источники, которыми пользовался при ее написании, – печатные и рукописные, – а также имевшаяся в его распоряжении библиография по данной персоне. Принцип построения биографий – строго хронологический. Изложенный в них материал снабжен цитатами источников и литературы, на которые даются подробные ссылки в конце каждой страницы. Биографии членов Академии наук у Пекарского достаточно подробны, но изложение почти везде очень сжатое, свойственное научному труду, что, впрочем, не лишало книгу достоинств литературного произведения, поскольку в авторском тексте приведено немало любопытных подробностей, касающихся не только характеров, быта и взаимоотношений наших основоположников науки, но и нравов и духа эпохи, например, распорядок первых академических заседаний, атмосферу дискуссий, демократизм, присущий научному сообществу, а также хозяйственно-бытовые аспекты петербургской жизни академиков. Каждого описываемого ученого Пекарский старался оценивать объективно, указывая на положительные и отрицательные стороны его характера, на его вклад в русскую науку и в разного рода работы, порученные академией властями. В конце каждой биографии исследователь приводит список трудов характеризуемого ученого, напечатанных в академической типографии в то время.

²¹ Там же. С. XIV.

В начале введения ко второму тому «Истории Императорской Академии наук в Петербурге» Пекарский обратил внимание читателя на всплеск напряженности в отношениях между русскими и иностранцами, возникший сразу после переворота, приведшего к власти Елизавету Петровну. Эта тенденция не обошла стороной и Академию наук. Была предпринята попытка уменьшить влияние ученых иностранного происхождения на академические дела и повысить значение русских по происхождению в этом учреждении. Пекарский рассмотрел деятельность А. К. Нартова на посту управляющего Академией наук, дал ее объективную оценку и указал на причины его неудач. Также во введении ко второму тому книги Пекарским были рассмотрены взаимоотношения государства и его бюрократической машины с ученым сообществом и сделаны выводы о характере влияния власти на деятельность Академии наук.

Как уже говорилось, содержание основной части второго тома «Истории Академии» составили чрезвычайно подробные описания жизни и научной деятельности первого русского ученого-энциклопедиста М. В. Ломоносова и выдающегося деятеля в области русской литературы и языкознания В. К. Тредиаковского. Их биографии отличаются большей полнотой содержания по сравнению с жизнеописаниями, помещенными в первом томе. Несмотря на то, что эти выдающиеся представители отечественной науки и литературы имели яркие характеры,

автор [...] заботился не о рисунке и картинах, а единственно о содержании [...] За событиями в жизни своих героев и их деятельностью он следит шаг за шагом в хронологическом порядке, не стараясь о раскрытии их внутренних связей²².

Характерным признаком научного творчества Пекарского можно считать практически полное отсутствие в его произведениях обсуждения приводимых фактических сведений и общих выводов. Он писал, что

решение [...] вопроса на основании одних умозрений не представляет особенной трудности, но тогда оно еще не может быть признано за окончательное, потому что будет представлено обширное поле для более или менее произвольных догадок и взглядов, зависящих от личного усмотрения²³,

и что

любое суждение должно быть подтверждено достаточным количеством достоверных источников, а до тех пор его нельзя вводить в науку, если не желаешь низвергнуть ее с высоты до мелких житейских расчетов²⁴.

Академическая история Пекарского совсем не годилась на роль популярного чтения. Автор был, по выражению академика Я. К. Грота,

²² Отчеты императорской Академии наук... С. 171.

²³ Пекарский П. П. Отчеты о работе в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 568. Д. 91. Л. 4.

²⁴ Пекарский П. П. О значении сатиры в русской литературе XVIII века // ОР РНБ. Ф. 568. Д. 54. Л. 8 об.

слишком серьезного образа мыслей [...] чтобы добиваться шумной известности, приобретаемой часто подлаживанием под те или другие ходячие идеи, имеющие вес только в глазах маломысленной и малообразованной толпы²⁵.

Достоинство «Истории Академии» не в ярких описательных картинах, а в насыщенности фактическим материалом и в богатстве справочно-библиографического аппарата. Это, однако, не означает, что труд Пекарского о Санкт-Петербургской академии лишен авторских оценок и выводов, как это представлялось большинству пишущих о его творчестве. При внимательном прочтении «Истории» можно определить проблематику этого исследования. На наш взгляд, это изучение, во-первых, влияния абсолютистского бюрократического аппарата управления на научное сообщество, во-вторых, взаимоотношения иностранного и русского элементов в академической науке и, в-третьих, соотношения деятельности Академии наук с потребностями русского государства и общества того времени.

Основной нравственный стержень труда Пекарского – в осуждении постоянного вмешательства административно-бюрократического аппарата в дела высшего научного учреждения, которое не только затрудняло ход научных изысканий, но, что важнее всего, подавляло сам дух научного сообщества, ту его главную силу, без которой было возможно только экстенсивное развитие без качественных прорывов вперед. Академия наук в целом и ее члены в частности так же как и все в России всецело зависели от произвола абсолютистского государства и его представителей. Зависимость эта проявлялась как в материальной, так и в административной сферах. Академия была основана по воле монарха для решения сугубо практических задач по технико-экономической модернизации страны и находилась на полном содержании государства. Лица, имевшие отношение к академии, как правило, не имели иных источников существования кроме получаемого в этом учреждении жалования. Пекарский писал о недостаточном денежном содержании академии в первой половине и в середине XVIII в., приводя к тому же множество примеров многомесечных задержек жалования членам Академии и ее служащим, замену его натуральными выплатами, обычно непроданными книгами, нерациональном расходовании средств, что приводило к дефициту бюджета. Такая обстановка мешала нормальному функционированию академии, заставляла ученых тратить время и силы для получения классовых чинов, чтобы обеспечить прибавку к жалованию, а также искать покровительства влиятельных вельмож для решения своих материальных проблем. Все это отвлекало от решения научных проблем и приводило к росту напряженности в академической среде.

В своей внутренней жизни члены академии были поставлены в зависимость от произвола навязанного им высшей властью администратора. Мелочная регламентация их жизни, подмена научной работы щепетильным исполнением устава и прямое недоверие к ученым как к бездельникам, проедавшим

²⁵ Отчеты императорской Академии наук... С. 174.

государственный хлеб²⁶, чрезвычайно вредили развитию науки в стране, ее интересы, успех и процветание отходили на второй план. В академии абсолютно отсутствовало выборное демократическое начало, которое изначально при создании этого учреждения предусматривалось Петром I; назначение ее руководства являлось прерогативой монарха. Однако бесспорна мысль Пекарского, что

для лица, поставленного во главе управления подобным учреждением недостаточны знатность и значение (т. е. положение в обществе. – А. Ч.) [...] а необходимы также знания, склонность к наукам и некоторая доля самоотвержения, потому что заслуги на почве умственной деятельности вообще проходят незаметными в среде, где внешний лоск и блеск часто прикрывают недостаток знаний и полнейшее к ним равнодушие²⁷.

Академический устав 1747 г. практически полностью отдавал ученых во власть академической канцелярии. Пекарский с горечью писал о том времени, когда «горе было тем ученым, которые вознамерились заниматься наукой, не ища покровительства членов академической канцелярии»²⁸.

В «Истории Академии наук» Пекарский выразил свое отношение по одному из наиболее дискуссионных вопросов 60–70-х гг. XIX в. – о соотношении русского и иностранного элементов в отечественной науке. Данную проблему применительно к Петербургской академии наук Пекарский рассматривал как составную часть общего вопроса о роли приезжих иноземцев в проведении реформ при Петре I и его преемниках. В науке, так же как и в других сферах общественной жизни, использование труда, знаний и опыта иностранных специалистов было единственным способом начать поступательное движение страны по пути модернизации и прогрессивного развития. Академик писал, что

несколько десятков высококлассных ученых при первоначальном основании Академии могли появиться только из-за рубежа и в их приглашении даже и на особых условиях не было ничего зазорного для русского национального самолюбия²⁹.

Это хорошо понимал Петр Великий, он охотно призывал иноземцев в Россию, поскольку «мудро умел пользоваться ими для достижения разных целей на пользу и благо России»³⁰. Однако после смерти Петра, при его преемниках, возвеличивание иностранцев приняло формы и размеры, унижавшие национальное достоинство русского народа. Этот процесс затронул и академическую среду.

²⁶ См.: *Копелевич Ю. Х.* Санкт-Петербургская академия наук и власть в XVIII в. // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 132.

²⁷ *Пекарский П. П.* История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. XX.

²⁸ Там же. С. XXVI.

²⁹ *Пекарский П. П.* История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. XLIX.

³⁰ Там же. С. 2.

Управляющий академической канцелярией Шумахер и назначенный им себе в помощники его зять И. И. Тауберт крайне отрицательно относились к увеличению числа русских в ученом сообществе³¹. Лишь с востешствием на престол Елизаветы Петровны, которая

при всяком удобном случае высказывала особое расположение ко всему родному [...] и ее самолюбию было приятно, когда ей говорили, что в царствование ее [...] русские делают успехи в науках и литературе³²,

в ученые звания стали возводиться природные россияне. Таким образом, в 40–50-е гг. XVIII в. в число адъюнктов и академиков помимо Ломоносова и Третьяковского вошли С. П. Крашенинников, Н. И. Попов, С. К. Котельников, С. Я. Румовский, А. Д. Красильников.

При рассмотрении вопроса о взаимодействии русского и иностранного элементов в Петербургской академии Пекарский отметил наличие больших льгот и преимуществ для иноземцев в России, часто весьма равнодушными к ее нуждам, почти всегда оказываемое за счет русских. Герой нашего исследования не считал эту проблему «позднейшей выдумкой или модной прихотью» поскольку «заметна в России издавна рознь между некоторыми народностями [...] ее легко проследить в разные эпохи русской истории»³³.

Хотя бóльшая часть приглашенных ученых-иностранцев честно трудилась на благо русской науки, зачастую не жалея для этого своего здоровья, историк не смог обойти вниманием тот факт, что нередко приглашенные иноземцы, в том числе и ученые,

высказывали при всяком удобном случае высокомерное презрение к русским и давали везде всюду свое превосходство, иногда основанное лишь на том, что они не туземного происхождения³⁴.

В то же время Пекарский считал, что национальность руководителей академии не являлась определяющим фактором в их отношении к делу. Так, русский по происхождению Нартов, поставленный руководить академией вместо ее прежнего фактического властителя эльзасского немца Шумахера проявил на этом посту деспотизм и самоуправство, не меньшее чем у последнего. Искусный в токарном деле, Нартов «не имел понимания о научном сообществе, целях и значении научной деятельности»³⁵, а также не владел иностранными языками, что делало невозможной его совместную работу с академиками. Напротив, назначенный президентом барон И. А. Корф, не являвшийся природным россиянином, был оценен Пекарским как деятельный и энергичный начальник.

Современная Пекарскому критическая мысль дала в общем высокую оценку его «Истории Императорской Академии Наук в Петербурге», представив ее

³¹ Пекарский П. П. История императорской Академии Наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. XLVIII.

³² Там же.

³³ Там же. С. 570.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. XI.

как «целую библиотеку сведений о зачатках нашего умственного движения, возникшего из реформ Петра Великого»³⁶. По другим отзывам

труд Пекарского исполнен чрезвычайно обстоятельно и представляет массу фактических сведений, извлеченных автором кроме [...] архивов из множества академических изданий и [...] исторической литературы. Биографии очень подробны и снабжены обильными литературными указателями и библиографическими списками сочинений описываемых лиц³⁷. ...летопись первых времен Академии наук не может не быть интересной.

Новое сочинение почтенного автора удовлетворяет всем требованиям строго научным и, вместе с тем, написано с тем литературным талантом, который увлекает и неспециалиста³⁸.

Одновременно с общей положительной оценкой рецензенты высказывали отдельные замечания. Так, отмечалась конспективность в подаче материалов, а биография Ломоносова, составившую большую часть содержания второго тома «Истории Академии Наук», вовсе признавалась лишь «критическим сводом биографических материалов, расположенных в хронологическом порядке»³⁹. Автора «Истории» упрекали в увлечении сбором фактических материалов, несомненно важных и необходимых, в ущерб, однако, раскрытию важного вопроса о взаимоотношении русского общества и Академии наук в XVIII в.:

В начале своей книги Пекарский, ставя главной своей задачей собрание и изложение внешних фактов, не нашел возможным или нужным определить общее значение академии для русского государства и общества в различные периоды ее существования, но надобно думать что в дальнейших томах этот вопрос будет прояснен академическим историком⁴⁰.

Критика высоко оценив принцип Пекарского в освещении различных событий в жизни российской Академии наук, который был основан на принципе строгой проверки каждого факта по подлинным документам и источникам, указала ученому на отсутствие в его сочинении отображения интеллектуальной деятельности академии, ее духовной жизни, которая, собственно, и составляла главную задачу ее существования. Разбирая второй том «Истории Академии наук» рецензенты обращали внимание, что биографиям Ломоносова и Тредиаковского, которые собственно и оставляли содержание тома, «недостало искушенной группировки характеристических подробностей»⁴¹ из-за

³⁶ Грот Я. К. Отчет императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1870 г. // Отчеты императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1866–1891 гг. СПб., 1903. С. 160.

³⁷ История Императорской Академии Наук в Петербурге. Петра Пекарского. Издание Отделения Русского языка и литературы Императорской Академии Наук. Т. I. СПб., 1870 // Вестник Европы. Т. I. № 2. С. 917.

³⁸ Лонгинов М. История Императорской Академии Наук в Петербурге Петра Пекарского. Т. I. СПб., 1870. // Русский архив. 1871. № 6. Стб. 0248.

³⁹ История Императорской Академии Наук в Петербурге Петра Пекарского. Т. II // Дело. 1873. № 12. Отдел новые книги. С. 1.

⁴⁰ История Императорской Академии Наук в Петербурге Петра Пекарского. Издание Отделения Русского языка и литературы Императорской Академии Наук. Т. I. СПб., 1870 // Вестник Европы. 1871. Т. I. № 2. С. 918.

⁴¹ Отчеты императорской Академии наук... С. 170.

чего не удалось создать их оживленные и законченные образы; читателю следовало самому воссоздать художественный образ этих двух выдающихся русских мыслителей и ученых XVIII столетия, опираясь на богатство и достоверность фактов приведенных в труде нашего героя.

Однако эти особенности труда Пекарского современники не считали недостатком. Так, академик А. В. Никитенко полагал, что такой многосторонний и насыщенный содержанием предмет как история отечественной Академии наук

...может быть излагаем не одним, а разными лицами и каждым в особенном значении и с одинаковой пользой и успехом. Часть принятого на себя труда Пекарский совершил на усвоенной им для себя почве с таким достоинством, которое в одно и то же время свидетельствует о его знании, научной добросовестности и горячей преданности делу⁴².

Научная общественность справедливо полагала, что автор должен иметь право на свободу в выборе способа изложения материала, нельзя требовать от него, «чтобы он ту или другую точку зрения, ту или другую сторону предпочел бы своему образу мыслей и направлению своего дарования»⁴³.

Будучи мастером сбора и подачи фактического материала, Пекарский создавал свою «Историю Академии» по строго научным канонам. Он умело отсеивал так называемую «историческую пыль», старался

с рассудительной разборчивостью вызывать из забвения, собирать и разъяснять только такие данные прошедшего, из которых можно извлечь основательные знания о состоянии вещей в каком бы то ни было отношении⁴⁴.

Позднейшие исследователи отечественной академической истории не могли обойтись в своей работе без сведений, собранных Пекарским. Так, М. И. Сухомлинов в своих «Материалах для истории Императорской Академии наук в Петербурге» (1885–1900) представил более 8 тыс. документов за период 1716–1750 гг., многие из которых впервые были введены в научный оборот Пекарским. Он же при написании «Истории Российской Академии» использовал в работе методику Пекарского и, в частности, также избрал для своего труда формат биографического повествования.

Ученые советского периода, работавшие в области истории науки, подтвердили в целом высокую оценку труда Пекарского об академии, данную их дореволюционными коллегами. В. И. Шафрановский и Э. П. Файдель в рецензии на очерк М. В. Машковой о Пекарском заявляли, что этот труд героя нашего исследования содержит ценные выводы и обобщения⁴⁵. М. И. Радовский отдал должное напряженной работе Пекарского, по написанию биографии Ломоносова, который обогатил знание об ученом и его окружении новыми, ра-

⁴² Никитенко А. В. Отчет по отделению Русского языка и словесности за 1872 год // Отчеты Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности за 1866–1891 годы. СПб., 1903. С. 167.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Отчеты императорской Академии наук... С. 159.

⁴⁵ Шафрановский К. И., Файдель Э. П. Новая работа о П. П. Пекарском // Советская библиография. 1958. Вып. 50. С. 115.

нее до того неопубликованными материалами⁴⁶. Авторы коллективного труда «История Академии наук СССР», высоко оценили исследование Пекарского. Они отметили обилие заключенного в нем материала и тщательность его обработки, а также его безукоризненную достоверность⁴⁷; материалы, собранные Пекарским, широко использовались в этом фундаментальном издании. Академик А. П. Окладников подошел к историческим трудам Пекарского с позиций официальной тогда марксистской идеологии. Он полагал, что монументальный труд «История императорской Академии наук в Петербурге» содержала критику официальной монархической идеологии и политики самодержавной власти по отношению к академии⁴⁸. Ю. Х. Копелевич в работе об основании Академии наук вслед за предыдущими исследователями подтвердила тезис о высокой научной достоверности трудов Пекарского и об их ценности для ученых следующих поколений⁴⁹. В. П. Лысцов к положительным сторонам работы Пекарского «История императорской Академии наук в Петербурге» отнес данное им самое обстоятельное для своего времени жизнеописание Ломоносова.

Трудно переоценить значение Пекарского как историка русской академической науки. Он впервые в отечественной историографии, опираясь на труды своих предшественников, начал практическую работу по созданию всеобъемлющего труда по истории Академии наук. Ученому удалось увидеть напечатанным первый том своего труда и нет никаких сомнений, что если бы не безвременная скоропостижная кончина, он довел бы его до логического конца. Пекарского можно считать основоположником персонифицированного направления в истории науки, представители которого создают картину событий через жизнеописания его активных творцов и участников. Написанные им биографии первых президентов и членов Академии наук, составившие основное содержание первых двух томов «Истории Академии наук в Петербурге» существенно обогатили наши знания о непростых путях развития старейшего научного заведения в первые годы его существования. Обычаи и нравы эпохи, взаимоотношения власти и ученого сообщества, взаимовлияние русского и иностранного элементов в системе отечественной науки и образования в период их становления прекрасно прослеживаются по подробным жизнеописаниям ученых, составленных Пекарским на основе широчайшего применения источников, в том числе, редких, труднодоступных и сложных для обработки. Исследователь отдавал предпочтение рукописным источникам, многие из которых были впервые введены им в оборот. Труды Пекарского снабжены обильными ссылками на источники, каждый из которых был подвергнут развернутой внешней критике. Ссылаясь на какой-либо документ, исследователь всегда оценивал степень его достоверности путем сопоставления с другими подобными документами. Такой метод позволил работам Пекарского стать эталоном достоверности в исторической науке, а их насыщенность ссылками на источники – сохранить актуальность для позднейших поколений ученых.

⁴⁶ Радовский М. И. М. В. Ломоносов и Петербургская Академия наук. М.; Л., 1961. С. 320.

⁴⁷ История Академии наук СССР... 1964. Т. 2. С. 430.

⁴⁸ Окладников А. П. Начало Академии и первые ее дела. 250 лет Академии наук СССР // Сибирские огни. 1975. № 8. С. 134.

⁴⁹ Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. Л., 1977. С. 6–7.